

ДВА КРИЗИСА В ОДНИ РУКИ

Почему это выгодно политической элите

Тяжесть нашего теперешнего положения в том, что два относительно разнородных, хотя и взаимосвязанных кризиса — финансово-экономический и кризис преемственности власти, — совпали во времени. И тот и другой порождены неустойчивостью нашего общества, в котором своекорыстие элиты не сковано ни традицией и «сословными предрассудками», как в царской России, ни идеологией и партийной дисциплиной, как в СССР, и не стеснено ответственностью перед народом и законом, как в демократических странах.

Я не могу профессионально рассуждать об экономике, но не надо быть экономистом, чтобы понять, что система, при которой экономическая элита уже десять лет живет и богатеет в основном разграблением накопленного за годы советской власти, а государство не может собрать налоги, должна была прийти к экономическому упадку. Также ясно, что и кризис преемственности власти был абсолютно неизбежен, ибо система, во-первых, не имеет механизмов упорядоченной передачи власти внутри правящей верхушки (даже таких, какие были в СССР и КПСС), во-вторых, предполагает сочетание «внутриэлитного» определения преемника со свободными выборами, и, следовательно, каждый раз надо изобретать какую-то ситуацию, при которой народ голосует за того, кого назначила правящая верхушка. А это требует изобретательности и не может быть полностью гарантировано. Поэтому какой-то кризис (необязательно ведущий к гибели системы) рано или поздно разразился бы.

Но он оказался крайне усугублен президентом, в марте отправившим в отставку Черномырдина, поскольку в тот момент ему казалось, что он может выдюжить еще одни президентские выборы, а Черномырдин объективно превращался в основного конкурента. Отстранив Черномырдина, но не став от этого моложе и здоровее, Ельцин оставил правящий класс без лидера и открыл дорогу (разумеется, невольно) действительно свободным и альтернативным выборам. Сделать это Ельцин мог только в состоянии «помрачения рассудка». Как только он стал оценивать свое состояние более адекватно и понял, что думать надо прежде всего о преемнике, который гарантировал бы ему и его семье безопасность, он вернул Черномырдина и объявил его своим «официальным» преемником.

Прямой связи с финансовым кризисом в этом решении нет. Однако Ельцин изумительно выбрал время для его оглашения — в самом разгаре кризиса, как бы специально для того, чтобы его усугубить. Кириенко, не думавший о выборах и президентстве, хотя бы действительно боролся, как умел, именно с кризисом. Но возвращать сейчас человека, который больше, чем кто-либо, повинен в финансовом банкротстве страны, который, будучи назначен преемником, должен прежде всего беспокоиться о будущем президентстве, а не о борьбе с кризисом, — вроде бы полный абсурд. Тем не менее своя логика здесь есть. Президент и Черномырдин наверняка ощущают, что некоторое усугубление обстановки может им быть даже на руку, ибо кризис как бы возвращает ту ситуацию грозящей катастрофы, перед лицом которой президент и назначенный им наследник оказываются «меньшим злом». Это своего рода повтор 1996 года, только роль

мифической угрозы тоталитаризма теперь берет на себя вполне реальная угроза полного разрушения экономики.

В определенной мере кризис выгоден и правящей верхушке в целом. Неконтролируемых выборов при отсутствии единого кандидата правящей элиты не хотел никто, ибо в системе, основывающейся на смене власти, на неизбежной ответственности перед народом, не будет места ни Березовскому, ни Чубайсу, ни Жириновскому, ни Зюганову. Кризис дал предлог для консолидации, которая, как вначале казалось, вообще не имеет границ. Не только главные претенденты на предстоящих выборах — Лужков и Лебедь — тут же объявили о поддержке «официального преемника», но даже, казалось бы, честный и убежденный националист Зюганов часами вел переговоры с нашим «евреем Зюссом». Зюганов в ходе этой консолидации произнес совершенно гениальную формулу, которая может стать лозунгом правящей элиты: «Дело не в людях, а в курсе, который надо менять». (Что-что, а менять курс наши люди умеют великолепно — Ельцин за свою жизнь делал это раз пять.) Все вроде бы были готовы к соглашению и к созданию «правительства народного доверия» или «последней надежды», которое растворило бы в единой партии власти и коммунистов, и жириновцев, и сделало бы Черномырдина даже более безальтернативным, чем это нужно.

Но дальше ситуация осложнилась. Вскоре депутаты поняли, что утверждение Черномырдина — это фактически последний шанс что-то для себя выторговать. Зюганов и его соратники оказались в очень трудной ситуации. В нашей системе у них есть вполне определенная функция, гарантирующая им более-менее приличную жизнь. Эта функция — изображать ужасную революционную альтернативу и таким образом побуждать народ голосовать так, как надо правящей верхушке. Но если они сейчас поддержат Черномырдина или войдут в его правительство, они могут окончательно утратить способность мобилизовать протестный электорат и запугивать большинство, а следовательно, потеряют место и функцию. Поэтому для них особенно имеет смысл ждать, пока кризис не достигнет громадных размеров, что даст им возможность сдать «красиво», на каких-то особых условиях, «во имя спасения России».

Итак, кризис, как это ни парадоксально, нужен самым разным политическим силам и в какой-то мере элите в целом, помогая ей уйти от самой страшной для нее опасности — свободных выборов и смены власти. Но здесь все дело в мере. Игра, которая сейчас идет, очень рискованная для правящего слоя и для созданной им системы. Система эта зиждется на страхе народа перед альтернативой власти, но всему есть пределы, и может сложиться ситуация, когда любая альтернатива покажется народу лучше власти. В связи с этим у элиты может возникнуть стремление вообще уйти от выборов и перейти к какой-то иной форме своего прямого правления. Такие искушения, и достаточно сильные, были у нее и в 1996 г. (и банкиры что-то такое придумывали, и ельцинское окружение строило такие планы). Сейчас это искушение будет еще сильнее, и планы наверняка уже вырабатываются. Но в том-то и дело, что какая-либо диктатура или правление какого-то органа объединенной элиты по-настоящему не является альтернативой. Для серьезной диктатуры нет сил — ни дисциплинированной армии, ни какой-либо способной осуществить диктатуру партии. Вообще никакой серьезной и долговременной альтернативы выборам, причем настоящим выборам, а не комедии типа 1996 г., в конечном счете нет.

Истоки наших бед, в том числе и теперешнего финансового кризиса, — не в экономике. Они — в политике, в политической системе, делающей власть

бесконтрольной, а если глубже — в психологии и культуре народа, делающих эту власть возможной. Наш народ до сих пор не ощущает себя «субъектом исторического процесса», тем, кто сам определяет свою судьбу и сам отвечает за свои деяния. В его истории почти не было эпизодов, когда он сам что-либо решал, а те эпизоды, которые все-таки случались (революция 1917 г.), привели к результатам, о которых лучше не вспоминать на ночь и которые словно бы учат, что не слушаться начальства и тем более самочинно сменять его — опасно. Народ травмирован своей историей и привык к постоянному ощущению страшной угрозы, исходящей от него самого, по сравнению с которой любые беды, исходящие от власти, — мелочи. Но это означает — лишь бы не самим выбирать власть, лишь бы не мучиться страхом, что твой свободный выбор приведет к страшным последствиям. Лучше уж терпеть.

Как одна и та же задача может быть очень легка для одного человека и крайне сложна для другого, так же и с разными народами. Для американцев, например, сменить президента никакой проблемы не составляет уже двести лет (и именно поэтому, а не по каким-либо другим причинам, они — богаты). Другие народы, даже наши братья украинцы, тоже научились этому. Мы же мучаемся в конвульсиях при одном только приближении такой перспективы. Но есть задачи, которые не решать нельзя.

Совершенно ясно, что к 2000 г. мы придем, по меньшей мере, на четверть беднее, чем были в 1996 г. И это — наша плата за 1996 год, плата за наше отношение к власти и самим себе. Но если это — плата за обучение и в 2000 г. мы выйдем на другой путь, это еще ничего. Если же мы снова дадим себя обмануть или сами себя обманем, если мы или допустим отмену выборов, или выберем того, кого нам назначит новое «Политбюро», значит, нам придется учиться дальше и заплатить еще большую цену.